

РОССИЯ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Россия в мировом сообществе

Часть 2. Региональные проблемы

А.И. УТКИН

В мире, который распался на рубеже 80–90-х годов, Советский Союз противостоял Соединенным Штатам по глобальному кругу проблем. Это выделяло две сверхдержавы в особую категорию, отдаляло их от всех прочих суверенных актеров мировой арены, так как разрыв между ними и прочими суверенами был общепризнан. Игра с нулевым результатом была производной от глобальной конфронтации СССР и США. В каждом из мировых регионов те страны, которые были ущемлены союзниками одной из сверхдержав, немедленно обращались за политической военной и экономической поддержкой к противостоящей сверхдержаве. Указанное манихейство, заведомая антагонизация «друзей твоих соперников», упрощали общую картину международных отношений, делали относительно предсказуемым характер поведения обеих сверхдержав на отдельных региональных направлениях.

Коллапс Советского Союза фундаментально изменил мировые геостратегические реальности. Соединенным Штатам в новой обстановке, когда они волею материальных обстоятельств встали во главе мирового созвездия государств, пришлось переосмыслить систему своих международных связей. С одной стороны, появились новые возможности: отсутствие у Америки полновесного противника, преобладание над основными конкурентами на всех континентах в военной сфере, в экономическом развитии, в привлекательности массово-культурных ценностей. С другой стороны, даже для США исчезла относительно легкая возможность приобретения союзников и клиентов за счет получения под свою опеку антагонистов противостоящей сверхдержавы. Исчезла своеобразная дисциплина контролируемого сверхдержавами мира.

Логика биполярного соревнования быстро и радикально уступила место «наведению порядка» в ставшем более хаотическим мире. Исчезла страшная угроза глобальных кризисов типа Карибского, но один за другим следуют локальные кризисы в Персидском заливе, Сомали, Гаити, Руанде, Боснии, вокруг Тайваня, в Косово. Главное новое качество этих кризисов для США – это то, что прежний главный конкурент Америки во всех мировых регионах (Россия) к началу XXI в. практически лишился региональных союзников.

Энергичная политика в далеких регионах оказалась невозможной для Москвы не только вследствие резкого ее ослабления, но потому, что основную энергию

Москва должна теперь расходовать в пределах Содружества Независимых Государств, где полтора десятка государств восточноевропейского цивилизационного кода, оглушенные переменами, ищут свои пути выживания. Впервые после 1917 г. встал вопрос, существует ли и до какой степени действует восточнославянское единство, каков потенциал евразийства. В Москве на пороге XXI в. стали считать то, что обсуждалось лишь до наступления века идеологии, до Первой мировой войны – потенциал своего цивилизационного ареала.

Цифры в этом отношении далеко не обнадеживают. В 1900 г. к православной цивилизации относилось 8,5 % населения Земли, в 1995 г. – 6,1 %, в 2025 г. (прогноз) – 4,9 %. На 1980 г. страны православного ареала производили 16,4 % мирового валового продукта; эта доля упала в 1992 г. до 6,2 %. Совокупные вооруженные силы этого региона составили в начале 90-х годов 15 % общемировой численности, а к началу нового века фрагменты стран Варшавского договора и СССР растратили свое превосходство над Западом в обычных вооружениях. Непополняемые стратегические ядерные силы России (СЯС) стали стареть буквально на глазах. Лишь в декабре 1998 г. – впервые за десятилетие – в состав СЯС вошел полк мобильных МБР «Тополь-М».

Россия объективно возглавляет этот регион, хотя дисциплина внутри него слаба. Несмотря на очевидное ослабление, Россия пытается говорить с США от имени цивилизационно родственных держав, равно как и Соединенные Штаты видят себя лидером западной цивилизации и стремятся говорить от лица Запада. К третьему тысячелетию Российская Федерация и Соединенные Штаты выйдут с тремя видами региональных проблем – своего рода три концентрических круга их новых отношений, складывающихся после холодной войны.

Первый круг составляет комплекс проблем вокруг новой роли Китая, протекающих из необходимости так или иначе приспособиться к грядущему новому политико-экономическому лидеру Азии. *Второй* круг проблем замыкается на тенденциях возможного центростремительного и центробежного движения в пределах Содружества Независимых Государств, где Москва теряет позиции, а Вашингтон старается приобрести. *Третий* – периодические столкновения России и США в регионах развивающегося мира. Рассмотрим все три вида региональных противоречий последовательно.

Великий треугольник

Двумя главными внешнеполитическими обстоятельствами для России начала XXI в. является гегемония в мире на ближайшие двадцать лет Соединенных Штатов и неожиданный феноменальный рост (экономический, политический, военный) главного азиатского соседа – Китая. Волею этих двух заглавных обстоятельств Россия «обречена» жить в мире, где враждебность одной из двух (или сразу двух) сил решительно ухудшает внешние условия российского развития. В то же время параллельная благожелательность к обоим мировым центрам – и доминирующему, и быстрее других растущему – становится все более сложной в свете того, что цели США и Китая начинают приобретать несовместимый характер. Америка полна решимости не допустить китайской гегемонии в Восточной Азии, в то время как Китай не видит для себя иного будущего, кроме как в роли безусловного регионального лидера.

В результате Российская Федерация объективно оказалась между двумя силами, взаимодействие или противодействие которых явится определяющим фактором системы международных отношений в первые десятилетия XXI в. Задача России двуделина: не ожесточить ни одну из указанных сил, постараться сыграть на их противоречиях, обеспечить себе положение «третьего радующегося», имеющего доступ к источникам технологического роста, к свободным капиталам, к самым богатым в мире рынкам.

Задача Америки не менее четкая: не допустить сближения двух гигантов материка Евразии, предотвратить союз миллиардной людской массы Китая со стратегическим потенциалом России, не упустить контрольных позиций в Восточной Азии, куда перемещается центр мирового экономического развития.

Старая игра в новой ситуации

Дипломатические игры в рамках треугольника СССР–США–КНР начались с дипломатического успеха Г. Киссинджера, восстановившего дипломатические отношения между Америкой и Китаем именно в то время, когда Москва и Пекин находились в фазе жесткого противостояния. Между 1972 и 1989 гг. все американские администрации последовательно сближались с Китайской Народной Республикой, используя это сближение для воздействия на позиции своего основного геополитического противника – Советского Союза. Ситуация начала меняться в конце 80-х годов. Сближение Вашингтона с Москвой произошло в тот исторический период, когда ускорение экономического и военного развития Китая стало вызывать растущие опасения: каким будет внешнеполитический курс обретающей новое могущество «срединной империи»?

Обнаружился главный для США и России факт: конфуцианский мир континентального Китая, китайских общин в окрестных странах, а также родственных культур Кореи и Вьетнама, вопреки коммунизму и капитализму, начал процесс возвышения Восточной Азии на основе своего цивилизационного кода – конфуцианского трудолюбия, почитания властей и старших, стоического восприятия жизни. Регион осуществляет фантастический сплав новейшей технологии и трудолюбия, традиционного стоицизма и исключительного роста самосознания, отрешения от прежнего комплекса неполноценности. Цифры красноречивее слов. В 1950 г. на Китай приходилось 3,3 % мирового ВВП, в 1992 г. уже 10 %. Китай обойдет США по объему ВВП примерно в 2007 г. По прогнозам на 2025 г. в пределах китайской цивилизации будет жить не менее 21 % мирового населения. В 1996 г. доля армий этой цивилизации уже была первой по численности в мире – 25,7 %.

Американские аналитики начинают сравнивать подъем Китая с дестабилизирующим мировую систему выходом вперед кайзеровской Германии на рубеже XIX–XX вв. Соединенные Штаты видят свою задачу в фиксации, закреплении и максимально долгом сохранении геополитического плюрализма в Евразии – на единственном континенте, чей объединенный потенциал превосходит американский, что составляет 75 % мирового населения, 60 % мирового валового продукта, 75 % мировых энергетических ресурсов.

В треугольнике США–Китай–Россия основная задача Вашингтона в *краткосрочной* перспективе – предотвращение формирования враждебной коалиции, которая могла бы бросить вызов американскому первенству [Brzezinski, p. 50–51]. В *среднесрочной* перспективе США будут искать партнерства с теми странами, чье поведение и вес предотвратили бы российско-китайский союз.

В *долгосрочной* перспективе Вашингтон попытается предотвратить консолидацию Евразии за счет надежного партнерства с Китаем как лидером евразийского экономического развития.

Что может резко ухудшить позиции США в глобальном треугольнике? Главной на текущий момент видится возможность ухудшения отношений с Китаем по следующим линиям: 1) кризис вокруг Тайваня; 2) внутренняя эволюция Китая в антизападном направлении; 3) ссора Вашингтона с Токио, влекущая за собой японо-китайское сближение; 4) стремление озлобленной России, лишенной приемлемой для нее ниши на Западе, найти геополитического партнера в растущем гиганте Азии.

Весь смысл в том, что именно Россия и Китай громко и отчетливо высказывают сомнения в адекватности того однополюсного порядка, который так желателен Соединенным Штатам. И более того, только Россия и Китай имеют возможности предотвратить стабильное существование такого порядка. Исторически их взаимопонимание основывается на опыте 1949–1958 гг., того десятилетия, когда был создан Уханьский сталеплавильный комбинат и первые автомобильные заводы Китая. Россия в высшей степени содействовала индустриализации Китая, опыт соратников 50-х годов, тогда бросивших вызов североатлантическому миру, совместно остановивших США в Корее и Индокитае, может быть использован вновь.

Вашингтон неустанно следит за теми процессами, где национальные интересы двух великих незападных держав находят параллельное развитие. Не в интересах России видеть распад китайского государства. Не в интересах Китая видеть крах интеграции СНГ. И наоборот, сильные соседи, выполняя общую задачу модернизации, могут содействовать модернизации на основе сближения.

Вашингтон и «стратегическое партнерство» Москвы и Пекина

В мае 1997 г. президент Б.Н. Ельцин провозгласил в качестве контрмеры по отношению к расширению НАТО на восток укрепление связей с Китаем. Председатель КНР Цзян Цзэминь побывал в Москве в сентябре 1994 г., мае 1995, апреле 1997 г., декабре 1998 г.; премьер Ли Пэн – в июне 1995 и декабре 1996 г. Новый премьер – Чжу Жуанзи – в 1998 г. Произошли бесчисленные встречи министров всех сфер и отраслей. Две стороны выразили приверженность *«стратегическому партнерству равенства, взаимного доверия и взаимной координации»*. Получила разрешение проблема приграничного разделения. Китай официально признал события в Чечне чисто внутренним делом России, не одобрил экспансию НАТО, поддержал идею вступления России в Соглашение по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. Россия, со своей стороны, исключила для себя установление официальных отношений с Тайванем, признала Тибет безусловной частью Китая. Достигнута договоренность о военном сотрудничестве и мерах доверия в военной области. Выросла взаимная торговля – с 3,8 млрд долл. в 1994 г. до 8 млрд долл. в 1997 г. Россия стала третьим торговым партнером Китая после США и Германии [Менон, 1997, р. 104]. Поставлена цель довести двустороннюю торговлю в начале XXI в. до 20 млрд долл.

Идея союза двух евразийских гигантов приобретает в Пекине влиятельных сторонников. В закрытых китайских документах указывается, что Россия как и прежде остается мощной ракетно-ядерной державой, одной из немногих, способных противодействовать США в мировой политике. Российский фактор рассматривается в Пекине необходимым условием достижения Китаем своих стратегических целей на международной арене. Китайский Центр исследования страте-

гических проблем: «Развитие военно-технического и политического сотрудничества с Россией сделает позицию Китая на международной арене в будущем столетии беспроигрышной». Совместно РФ и КНР действовали в выработке политики по Косово и Ираку. Как определил ситуацию заместитель директора Центра изучения России при Академии общественных наук КНР Лу Наньцюань, «если партнерские отношения стратегического взаимодействия станут испытывать влияние со стороны изменений в международных условиях, например, США станут оказывать большое давление и на Китай, и на Россию, то эти отношения будут укрепляться. Если же США не станут оказывать давление ни на КНР, ни на РФ, либо лишь на одну из стран, то эти отношения будут ослабевать».

Вашингтон ощущает историческую значимость происходящего. «Сближение России с Китаем, – пишет газета «Вашингтон Таймс», – бесплатный способ припугнуть США... Сейчас гегемония США недостаточна для их полного сближения, но заставляет их сотрудничать по определенным проблемам, представляющим взаимный интерес» [*Washington Times*].

В Соединенных Штатах выделяют проблему российско-китайских отношений в качестве первостепенной в наборе региональных приоритетов США. Выступая в ноябре 1993 г. на слушаниях Комитета по международным отношениям сената США, государственный секретарь У. Кристофер провозгласил, что «ни один регион в мире не имеет большего значения для американских интересов, чем азиатско-тихоокеанский регион» [*US Department*, p. 797–799]. Одним из наиболее влиятельных выразителей таких взглядов является М. Мандельбаум из Университета Джонса Гопкинса (бывший советником Б. Клинтона еще на его пути в Белый дом): «После окончания холодной войны двумя наиболее важными для Соединенных Штатов странами являются Россия и Китай. Объяснения их важности просты – размеры, экономический потенциал и военная мощь. Что менее очевидно, но равным образом важно для внешней политики Америки после холодной войны – это тот факт, что, несмотря на важные противоречия между собой, эти две ядерные державы, прежние ортодоксально-коммунистические страны, являют собой вызов Соединенным Штатам» [*Mandelbaum*, 1997, p. 80].

Соединенные Штаты приветствовали улучшение российско-китайских отношений во время первого официального визита в КНР министра иностранных дел РФ А. Козырева в марте 1992 г. Председатель КНР Цзянь Цзэминь провел с президентом Б.Н. Ельциным шесть личных встреч, главным выводом которых было: «Сегодня ускоренными темпами развивается многополярность мира». Только после грандиозных сделок с продажей оружия после 1994 г. Вашингтон начал проявлять обеспокоенность. После визита в Москву китайского президента Цзянь Цзэмина в сентябре 1994 г. и развития идеи стратегического партнерства Москва–Пекин «некоторые чиновники американского правительства, – пишет К. Блэкер, – начали проявлять опасения в отношении сущности и целей китайской политики России – опасения, которые с годами «партнерства» между Пекином и Москвой стали обретать все больший смысл» [*Blacker*, p. 181].

В ответ на китайскую экспансию в окружающие страны американские специалисты предлагают новый вариант политики сдерживания – на этот раз в отношении Китая [*Kurth*, p. 14]. Более того, они усматривают возможность политического сдерживания одновременно и ослабевшей России. Разумеется, сложно противостоять двум гигантам одновременно – но, с другой стороны, это придает смысл, дает рациональную основу стратегии военного доминирования Соединенных Штатов в Евро-

пе и в Азии – в двух важнейших регионах мира, что необходимо при формировании общественного мнения и прохождения в конгрессе военного бюджета США.

В текущий момент *три* обстоятельства препятствуют возобладанию евразийской альтернативы над прозападным креном. *Во-первых*, российское правительство знает, какими будут его жертвы в случае решительного предпочтения Пекина Вашингтону. Скажем, в 1996 г. двусторонняя торговля России с Китаем составляла 5,6 млрд долл., в то время как торговля России с Западом (со странами ОЭСР) достигла 70 млрд долл. [*Directory*, p. 380–381]. И этот экспорт из западных стран содержит жизненно необходимые России технологически сложные товары. Именно отсюда в Россию могут поступить займы и инвестиции (а не из Китая или Индии – конкурентов в получении западных денег). Переориентация на Китай (и Индию) дорого обошлась бы и без того ослабленной российской экономике. России сейчас проще провозгласить экзотические схемы, чем реализовать их.

Во-вторых, банки, владельцы и руководство крупнейших российских компаний и предприятий создали своего рода прозападное лобби, преодолеть которое любым сторонникам стратегической ориентации было бы не просто. Союз прозападных бизнесменов и чиновников «обеспечивает движение в пользу приобщения России к ведомой США экономической системе» [*Blacker*, p. 190].

В-третьих, решимость США и Запада в целом не допустить великого перемещения российских интересов в Азию. У Америки немало еще не задействованных рычагов; в Вашингтоне достаточно отчетливо помнят 1949 г. и готовы сделать многое, чтобы предотвратить его повторение.

И тем не менее. «Если материальные условия начнут улучшаться в России, и население увидит в будущем проблески надежды, руководители России получат шанс поддерживать «сбалансированную» внешнюю политику – намеков на сближение с Востоком при продолжении движения в направлении Запада... Но если экономика не покажет признаков выздоровления, и снижение уровня жизни будет продолжаться, все прежние стандарты будут отринуты» [*Blacker*, p. 192].

Торговля оружием

Одна из сторон великого стратегического треугольника – российско-китайская сторона – нашла объективную опору в военной помощи одной стороны другой. В 90-е годы Китай стал главным рынком для российского оружия, достигнув 26 % общего военного импорта Китая. С одной стороны, Китай открыто считает российскую военную промышленность главной для себя. Имея 140 млрд долл. национального резерва, Пекин в состоянии купить любую технику, которую согласится продать Россия. С другой стороны, покупать у России вооружение такого качества и с такой легкостью – это, по словам Джеймса Лилли, бывшего посла США в Пекине – «такая возможность предоставляется раз в столетие».

Экспорт оружия России в Китай составил в 1994–1998 гг. грандиозную сумму – почти 6,5 млрд долл. Китай получил от России 72 истребителя Су-27, 50 танков Т-72, 300 ракет земля-воздух С-300, шесть подводных лодок. Подписанное в декабре 1996 г. соглашение предусматривает массовую передачу еще более совершенной техники, часть которой не поступила еще даже на вооружение российской армии. Продажа Россией самолетов, подводных лодок, ракет класса земля-воздух и большого числа танков превратит КНР в неоспоримого военного лидера региона, что едва ли не изменит баланс сил в регионе. Военно-экономическая помощь России позволит Китаю в течение десяти лет произвести 150 собственных

Су-27, рассчитанных, прежде всего, на противодействие американским истребителям Ф-15 и Ф-16, продаваемым американцами Тайваню.

Интересы России и Китая в данном случае сомкнулись. Россия получила шанс спасти свою мощную военную промышленность. Китай показал себя сильным там, где споткнулась Россия: патентное заимствование, легкость имитации, опыт вхождения на богатейшие мировые рынки (США и Японии, в первую очередь). Россия может многое позаимствовать: освоение электроники, оптики, бытовых товаров. Все эти китайские продукты получили заслуженное признание на российском рынке. Если Китай станет крупнейшей экономической – а теперь и военной – державой Евразии, а Россия сумеет хотя бы частично возратить себе положение североевразийского лидера, то это радикально отразится на общем балансе мировых сил.

Объективность сближения

Стратегическая конвергенция Китая и России имеет гигантское значение для Соединенных Штатов. Нет ничего удивительного в том, что США весьма энергично стремятся воздействовать на российско-китайское сотрудничество в военной области, стремятся замедлить процесс вооружения Россией Китая, пытаются отвлечь Москву от политики замены однополярного мира многополярным.

Это главная региональная проблема, разделяющая РФ и США. Американская сторона не признает прав Пекина на Тайвань и Тибет, а российская сторона – признает. США готовы на силовые действия ради сохранения суверенитета Тайваня, они опасаются роста военно-политического влияния Пекина в Восточной Азии. А Россия активно помогает этому росту.

По мнению М. Мандельбаума, «противоречия между Соединенными Штатами с одной стороны, и Россией и Китаем с другой проистекают из того факта, что обе страны, Китай и Россия, являются многонациональными государствами. В каждом есть доминирующая группа – этнические русские и ханьские китайцы. Меньшинства составляют незначительную долю общего населения, но эти меньшинства в достаточной степени велики и обладают достаточным самосознанием, чтобы выражать свое недовольство – и даже восставать – имперским правлением» [Mandelbaum, 1997, p. 83]. Чечня в России, жители Тибета в Китае. И чеченцы и тибетцы обращаются к США. Американское правительство не признает того, к чему оба эти малых народа стремятся – независимости, но они не могут и игнорировать явление. Это-то и создает главный фактор раздражения в стратегическом треугольнике США–Россия–Китай.

Новое в рассматриваемом треугольнике – это то, что правительства России и Китая, всегда прежде рассматривавшиеся как сверхцентрализованные и сильные, стали малоэффективными и слабыми. Этот поворот тысячелетней традиции также создает между США и Россией–Китаем ситуацию «мы и они». И американскому сознанию нелегко привыкнуть к мысли, что их многолетние противники теперь угрожают стабильному положению США не своей силой, а своей слабостью. Скажем, ослабление контроля над ядерным потенциалом смертельно опасно для России не меньше, чем для Америки, но благополучные США извне чувствуют это острее.

Многие американцы считают, что Китай станет глобальной державой еще не скоро, как бы не велики были его экономические показатели. Они вполне могут просчитаться, давая тем самым шанс Москве. И все же большинство в американской элите сейчас не готово признать внутрикитайскую либерализацию чисто ки-

тайским делом, не готово «сдать» Тайвань, не готово на доминирование КНР в своем регионе, не готово на «серединную» роль еще одного фактического американского протектората – могучей Японии. Это заставляет Пекин оглядываться в поисках поддержки, это дает шанс России, это делает российско-китайское сотрудничество в деле борьбы против однополярного мира естественным. Как полагает американский исследователь, «Россия и Китай уже устали от вторжения США в их сферы влияния» [Mandelbaum, 1997, p. 87].

Неоднозначность ситуации

И все же ситуация в американо-российско-китайском треугольнике неоднозначна. По мнению ряда американских политологов (Зб. Бжезинского, к примеру), растущее китайское влияние в Средней Азии ослабит возможности России в этом регионе. Здесь может завязаться такой узел противоречий, при котором США и КНР пойдут параллельным курсом, ограничивая российские интересы в регионе. Такие аналитики как Джон Хиллен из Совета по международным отношениям скептически: «Иногда у них (КНР и России. – А.У.) проходят встречи на высшем уровне под лозунгом «стратегического партнерства», но вслед за этими встречами реальных результатов либо нет, либо они бессмысленны» [Washington Times]. Усиливающийся Китай может в будущем считать Америку своим естественным партнером хотя бы по тем соображениям, что (в отличие от России и Японии) Соединенные Штаты не имеют с Китаем территориальных споров. И в Пекине достаточно отчетливо понимают, что без Вашингтона приток столь необходимых для развития китайской экономики инвестиций будет затруднен.

Характерно воздействие на стратегический треугольник второго азиатского гиганта – Индии. Вооруженные силы Индии укомплектованы оружием российского производства на 75 %. С 1990 по 1996 гг. Индия импортировала из России вооружений на 3,5 млрд долл. (ежегодно на 800 млн долл.). Создан план военных закупок Индии у России до 2010 г. В США достаточно однозначно воспринимают роль Индии в ее отношении к странам «великого треугольника»: без политической поддержки России Индия блокирована пакистано-китайским сотрудничеством. Видя эту «прорусскую» тенденцию Индии, Вашингтон при этом хотел бы сохранить ее в качестве потенциального антикитайского элемента евразийского уравнения (в случае обострения отношений США с Пакистаном). На этом пути нетрудно увидеть почву для российско-американского соперничества за влияние в Дели. Пока позиции России предпочтительнее, но ситуация (в свете ослабления России) меняется не в пользу Москвы. В США уже говорили о налаживании постоянных военных связей с Индией, перевод ее армии на американское вооружение, когда индийские ядерные испытания вызвали к жизни американское эмбарго и осложнили двустороннее сближение. Именно в этот, критический для Индии момент помощь Москвы проявилась самым существенным образом, и это придало новую силу связям Дели с Москвой. В плане долгосрочного российско-индийского военного сотрудничества до 2010 г. Индия намерена закупить у России мобильные комплексы ПВО С-300, многоцелевые истребители Су-30МК, танки Т-72, три фрегата и подводную лодку.

И все же в Вашингтоне определенно надеются, что блок Центральной и Восточной Евразии – как главное противодействие америкоцентрическому миру – не состоится. Здесь с удовлетворением отмечают, что Китай не оказал России прямой поддержки в вопросе противодействия расширению НАТО, ибо открытая поддержка России означала бы непосредственное выступление против США, чего в Пекине не

желают – для Пекина, который стремится проводить ныне сбалансированную внешнюю политику, такой шаг невозможен, он резко осложнил бы американо-китайские отношения. Да и неясно, что Китай получил бы от России взамен. При этом очевидны следующие обстоятельства: Китай хотел бы получить доступ к передовым технологиям США ради ожидаемого мощного экономического броска вперед, ради выхода в число передовых стран мира. Россия также стремится войти в эту лидирующую группу и в этом смысле не может не понимать китайскую сдержанность.

Таким образом, среди региональных противоречий России и Америки китайское направление выглядит *приоритетным* – по глобальной значимости, по объему затрагиваемых сил, по исторической перспективе. От ответа на этот важнейший для России и Америки вопрос в значительной степени будет зависеть сотрудничество или соперничество в XXI в., когда мир после краха мирового коммунизма отпрянул к своим цивилизационным основам.

Россия надеется на понимание Китая в противодействии мировой монополярности, Америка не теряет надежды увидеть в России своего союзника в грядущем объективно вырисовывающемся противостоянии Восточной Азии. И Вашингтон и Москва видят возможные опасности. На текущем этапе обе столицы надеются избежать конфронтации, даже если они продолжают следовать сепаратным курсом в отношении растущего Китая.

Постсоветское пространство

С точки зрения американского внешнеполитического истеблишмента, Россия, взятая отдельно, ни в каком обозримом будущем не вернет себе положение самостоятельного экономико-стратегического полюса. Но шанс у Москвы восстановить некоторые очень важные позиции появляется в случае возникновения связей СНГ.

Вторая орбита региональных противоречий России и США пролегает на просторах бывшего Советского Союза. Этот тип проблем возник лишь в 90-е годы с развалом СССР. Следуя за произошедшим в декабре 1991 г. неожиданным поворотом истории, американская политика также совершила крутой поворот. Еще в июле 1991 г. президент США Дж. Буш призывал киевлян не дробить страну, не давать сепаратизму преимущество над демократией, не крушить общую державу ради местных интересов. И далее, в 1992–1993 гг. американская администрация, напуганная ядерным суверенитетом Украины, Белоруссии и Казахстана, способствовала овладению Россией стратегического оружия, которое Москва так легкомысленно оставила в распоряжении новых независимых государств. Сказался инстинкт самосохранения: США и Россия пошли относительно СНГ параллельным путем, не желая становиться заложниками незрелых политических сил.

В дальнейшем параллельное шествие закончилось, и арена бывших советских республик стала ареной российско-американского соперничества. Такой поворот не был исторически predetermined, но безусловно и внушительно сказалось действие двух неблагоприятных для России тенденций: 1) националистические силы в новорожденных республиках начали искать внешнего опекуна: противовеса мощи России; 2) в Соединенных Штатах на первый план вышли политики, опасющиеся реинтеграции Советского Союза, что грозило бы Америке потерей уникального геополитического положения единственной сверхдержавы.

Образовались четыре новых крупных сектора российской границы – Украина, Кавказ, Средняя Азия, Прибалтика. К началу нового века кавказский сектор дает *непосредственное* напряжение. *Стратегически* не менее, а скорее более важны два других сектора – украинский и среднеазиатский. Это более цельные величины, которые не замыкаются на внутреннее противоборство. Охлаждение отношений с этими двумя регионами сразу же меняет геополитическое положение России к худшему.

И Россия и Украина – среднего масштаба раннеиндустриальные державы. Но вместе они образуют критическую массу, немедленно увеличивающую свой вес в Восточной, Центральной Европе, в Северной Евразии в целом. Чтобы уравновесить державу такого калибра, увлекающую за собой Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Молдавию, Армению, Таджикистан, а в перспективе Грузию и все центрально-азиатские государства, западноевропейцам потребуется приглашение Соединенных Штатов. Потому-то Вашингтон и смотрит в СНГ прежде всего на Киев.

Посягательство на суверенитет

Министр иностранных дел Е. Примаков назвал расширение НАТО и препятствие интеграции СНГ двумя главными препятствиями улучшению отношений с Западом, с Америкой в первую очередь (июнь 1996 г.). Будущий российский премьер-министр говорил о «кровном родстве» между странами СНГ – нечто, что в Вашингтоне воспринимается как посягательство на суверенитет независимых стран. Первые визиты Примакова как министра иностранных дел были совершены в Украину, Белоруссию, Казахстан и Узбекистан.

Скептики с американской стороны говорят о том, что речь в данном случае идет скорее об отдаленных целях в будущем, о символах веры, а не о конкретной стратегии ослабевшей России. «Россия не может позволить себе следовать планам, выработанным для ушедшего в прошлое Советского Союза. Российские военные не имеют войск, чтобы заполнить уже имеющиеся базы, у казны нет денег финансировать таможенный союз, объединенные пограничные войска, военные базы, систему противовоздушной обороны или валютный союз. Более того, попытка укрепить узы с Белоруссией, Казахстаном и Киргизией не создает модели, которая была бы привлекательна для более независимых государств, таких как Украина и Узбекистан, стимулируя их отдаление от СНГ» [Garnett, p. 67].

И все же даже скептики среди американцев согласны с тем, что и ослабевшей российской мощи достаточно для того, чтобы оказывать мощное воздействие на СНГ в целом и более всего на такие неустойчивые новые государства как Таджикистан. При этом в США утвердилось мнение, что нельзя сравнивать такие государства как Таджикистан с более крепкими ныне и потенциально мощными странами – прежде всего Украиной, Узбекистаном, Азербайджаном. В этих странах есть воля и ресурсы для самостоятельного развития – верят американские специалисты. Но крепость государства не приходит сама по себе. Как настаивает, скажем, Зб. Бжезинский, «жизнеспособность Украины или Казахстана будет весьма хрупкой, если только США не окажут им необходимую поддержку в национальной консолидации» [Brzezinski, p. 52].

Судя по политическим монографиям и статьям, США, не имея возможности активного вмешательства во все рыхлое околороссийское пространство, определили для себя трех фаворитов: Украина (максимальная американская помощь),

Казахстан (максимальные инвестиции), Азербайджан (максимальная активность американских компаний). Тем самым как бы ставится предел распространению российского влияния на трех ключевых направлениях: на Балканы (Украина), в Закавказье (Азербайджан), в Среднюю Азию (Казахстан).

Оправдание такой цели американские специалисты находят в том, что Россия, мол, будет удовлетворена более процветающими соседями, более стабильным окружением, менее балканизированной диаспорой. Успешно развивающиеся соседи помогут ближайшим российским регионам, превращая Россию в «удовлетворенное государство», в защитника статус-кво. В результате евразийская децентрализация поможет Соединенным Штатам решить их главную на ближайшие десятилетия стратегическую задачу: избежать подъема одной из стран Евразии (или коалиции стран) до глобального уровня, избежать возникновения конкурента континентальных масштабов, который был бы способен обесценить американскую победу в холодной войне, угрожать заокеанским интересам Америки, снова превратить США в обороняющуюся страну.

Альтернатива расширению НАТО

Прошли времена, когда президент Дж. Буш уговаривал украинское руководство не рвать жизненных связей с Россией. Принятые в ООН в качестве независимых субъектов международного права, пятнадцать частей прежнего Союза предстали перед Западом как абсолютные носители суверенности.

В США обозначилась группа специалистов, которые указали как на *эффективное средство сдерживания России* – стимулирование самостоятельности внешней политики Украины. «Польша, – пишет М. Мандельбаум, – в конце концов, не подвергается прямым угрозам со стороны России. Наиболее важная для Запада страна, непосредственно уязвимая в случае возобновления агрессивности России – Украина. И все же никто не предлагает Украине присоединиться к НАТО. В реальности НАТО обращается с Украиной как с маргинальной страной. Украина, однако, не является маргинальной: она занимает центральное место» [Mandelbaum, 1995, p. 10].

Обстоятельства сложились так, что централистские силы Украины, выступавшие за единство восточных славян, оказались беспомощными перед националистической экзальтацией. Украина стала представлять себя последней европейской страной на границе отчужденной от Запада российской Евразии. Для Москвы возникла не только проблема потери величайшего союзника, но и проблема воссоздания межвоенного «санитарного кордона» – попытка загнать Россию в глухую степь, в неосвоенные просторы, в глухую континентальную замкнутость.

Согласно возобладавшей в Вашингтоне точке зрения, главной целью Соединенных Штатов в СНГ является предотвращение российско-украинского сближения. Визит президента Б. Клинтона в Киев в мае 1995 г. очертил американский замысел: сохраняя общую дружественность слабого московского правительства, на региональном уровне бросить все силы на жесткую фиксацию украинской самостоятельности. Косвенно, по договору с Украиной и Россией 1994 г. США дали гарантии суверенитета Киева. Это отражается, помимо прочего, в совместных военных маневрах, в особом документе, подписанном НАТО с Украиной в 1997 г. и др.

Американское посольство – самое большое среди иностранных посольств в Украине. Государственные американские службы и частные фонды на Украине

чрезвычайно активизировались. Американская помощь – самая большая среди стран СНГ (700 млн долл. в 1995 г.). Если прибавить 1 млрд долл., даваемых в качестве кредитов в поддержку украинского бюджета, то оказывается, что Украина самый большой получатель американской помощи [Aslund, p. 133] – значительно больший, чем Россия. Напомним, что общая помощь американцев странам СНГ составила в 1999 г. 847 млн долл. (на 10 % больше, чем в 1998 г.). Доля России – 130 млн долл., хотя ее население составляет половину населения СНГ.

Для США нет «ближнего зарубежья»

В Москве могут рассуждать об исторических, экономических, психологических и прочих связях, но в США всякое теоретизирование о «мягком», «ограниченном» суверенитете прежних советских республик неприемлемо. Следование России подобным курсом грозит эвентуальным обрывом российско-американских связей. В качестве следствий такого курса США называют кредитное давление, технологическую блокаду, культурное отчуждение, а в конечном счете и гонку вооружений в прежнем масштабе, восстановление прежних уровней военных бюджетов у тех западных стран, которые его сократили (США, Британия, Германия). Новое издание «холодной войны» выступает как очень вероятный оборот событий, реалистичный вариант реакции Запада на восстановление восточноевропейского центра силы.

Более опасной, чем эти «привычные» меры, явилась бы помощь националистическим антироссийским силам во всех частях прежнего СССР. И в этой плоскости Украина имеет первостепенный приоритет. Во внутриукраинских реалиях это означало бы помощь Львову и Киеву против Харькова и Симферополя. Нет сомнения, что для России жесткая американская политика в этом вопросе означает создание нового санитарного кордона против реинтеграционного импульса.

Этот вариант посткоммунистического развития имеет для Запада немалые слабости – слишком далека Америка, слишком близка Россия. Слишком удалены американцы исторически от данных регионов, слишком хорошо известны эти регионы русским – это их исторические партнеры. Первый же взгляд на карту иллюстрирует вышесказанное. У Украины и России 1500 практически открытых дорог, а на запад украинцев ведут лишь 4 дороги, да и те перекрыты пограничниками и высокими тарифами. Не будет в данном контексте лишним упомянуть огромную взаимную торговлю, фактор проживания в Украине 12 млн этнических русских, постоянный поток украинцев на работу в Россию.

Итак, раскол двух крупнейших славянских государств ударил по геополитическим позициям России. Отчуждение Украины от России изменило расстановку сил в Восточной Европе и повлияло на глобальный баланс – на соотношение сил России и США. Здесь же обозначился потенциал конфликта США и России. Если Вашингтон, увидевший в 1945 г. свои жизненные интересы в Варшаве, обнаружит их в начале XXI в. в Киеве, ухудшения отношений и конечной конфронтации с Россией Вашингтону, пожалуй, не избежать.

Юг СНГ

На южных границах России США ведут активную политику, связанную с действием федеральных агентств, с созданием факторов американского влияния. Весь пояс государств – от Казахстана на востоке до Молдовы на западе – получил помощь. Особую помощь получили страны, считающиеся опорой околорусского мира – Украина, Узбекистан, Азербайджан.

Новая кавказская граница России уже кровотоцит, замирение Северного Кавказа представляет для России первостепенную по значимости проблему. Пораженное воинствующим национализмом Закавказье еще в какой-то степени взаимонейтрализует себя, но клубок противоречий здесь способен вовлечь в себя силы, негативные по отношению и к России, и к США (Иран, Турция). «Историческая пыль» здесь еще долго не уляжется, состояние Грузии, Армении и Азербайджана еще динамично, оно влияет на северокавказский регион России, оно способно прервать нефтеносные пути, на которые рассчитывают США.

Выход в Закавказье антиамериканского Ирана и проамериканской Турции, приглашение сюда наблюдателей – миротворцев ООН и ОБСЕ объективно ослабляет позиции России, заинтересованной в том, чтобы Закавказье было щитом от бурлящего мира ислама. Россия жизненно заинтересована, чтобы малые народы Северного Кавказа не были в своем самоутверждении стимулированы извне. В том числе со стороны Соединенных Штатов и их местных союзников.

Азербайджан нейтрализован войной, в которой Россия за последние три года оказала помощь противостоящей Армении. Военная помощь, оказанная Россией Армении между 1993 и 1996 гг. в размере 1 млрд долл. является, с точки зрения американских политологов, удачным для России способом связать две остальные закавказские республики – Азербайджан и Грузию в их прозападных устремлениях. Американский исследователь П. Гобл оценил эту помощь как направленную на «устранение западных компаний, заинтересованных в закавказском бизнесе» [*National Interest*, p. 45]. Американские политологи пишут даже о том, что российская военная помощь Армении рассчитана на то, чтобы нанести при необходимости мощный удар по азербайджанской армии, дискредитировать президента Алиева и привести к власти в Баку политика, более связанного с российскими интересами.

Россия добилась ввода своих вооруженных сил в соседнюю Грузию. Баку еще предстоит определить пути своих нефтяных и прочих контактов с Америкой в условиях, когда у России хорошие отношения с резко антиамериканским Ираном, с опекаемой Арменией, наличие войск на границах Турции.

Нефтяной фактор

Напомним, что США и их союзники инвестировали после 1991 г. в нефтяные месторождения Азербайджана, Казахстана и Туркменистана не меньшую сумму, чем все инвестиции в Россию. Предметом спора американских и российских фирм (в конечном счете, США и России) становится путь транспортировки нефти. Речь идет об огромных материальных ценностях и о степени контроля России над прикаспийскими республиками.

Периодические бои азербайджанцев и армян происходят в непосредственной близости от тех мест, где американские компании намереваются вести нефтепровод по территории Грузии. В США крепнет влияние сторонников опоры на Азербайджан, как на потенциально богатейшую (нефть) и крупнейшую по населению страну Закавказья (7,5 млн жителей). В стране огромные запасы нефти, которыми интересуются и Соединенные Штаты, и Российская Федерация. Видится неизбежной та или иная степень отчуждения «Лукойла» и «Шеврона», американских и российских инвестиций, особых маршрутов пролегания нефтепроводов, ориентация на разные терминалы, разных партнеров и разные ожидания прибыли. Это делает Баку ареной соревнования США и РФ, их влияния, их видения закавказского мироустройства [*National Interest*, p. 43].

Стараясь привлечь на свою сторону Баку, американцы уже выступают за строительство нефтепровода от Апшерона до турецкого Джейхана как главного пути транспортировки каспийской нефти на Запад. Здесь экономические и политические интересы России и США расходятся радикально. Россия не хотела бы терять контрольных функций над месторождениями нефти, которые определяют как вторые в мире после нефтяных сокровищ Персидского залива. Речь идет о снабжении собственно России, ее южных областей, расположенных далеко от Тюмени, и здесь Москва приложит все силы, все свое влияние, чтобы не потерять возможностей участия в разработке месторождений. Именно здесь велик потенциал противоречий России и США, здесь пролегает полоса интересов России, которые она не отдаст за внешнюю дружественность и пустую благосклонность страны, которая уже овладевает рычагами влияния над прежними восточноевропейскими союзниками России и открыто говорит о подобных замыслах в отношении Прибалтики.

Центральная Азия

Ситуация в Центральной Азии складывается для взаимоотношений России и США крайне противоречиво. Ни для Москвы, ни для Вашингтона не является позитивом то, что в поднявшихся мечетях Центральной Азии будет создан стойкий стереотип иного строя ценностей, иного мировосприятия, иного (часто жертвенного) поведения. Прежняя секулярная культура, в которой тон задавали получившие ученые звания и литературную известность в России интеллигенты, теснится той же волной ислама, что победил в Иране, Пакистане, Судане и Афганистане, близок к победе в Алжире и Египте, штурмует позиции в некогда столь проамериканской Турции.

Жертвенный элемент, фанатизм, новая социальная ориентированность ислама, поддержка миллиардного мусульманского сообщества (в том числе богатых нефтеносных стран) делает измененный исламом, но руководимый секулярными вождями центрально-азиатский мир более жестким, уверенным в себе, готовым искать альтернативу связям с прежним центром как на юге, так и на западе.

Российская граница с Казахстаном, отделяющая Центральную Азию от России, разделяет уже практически различные сущности, хотя и не пришедшие в состояние конфликта (кроме Таджикистана), где противостояние светской и религиозных основ чреватые долговременным конфликтом. Отчуждение Центральной Азии грозит уязвимостью прежде глубинных российских центров («мягкого подбрюшья» индустриального Урала), а также (что для России чрезвычайно важно) превращением мусульманских республик прежней Большой России в чужеродное ядро, разрывающее живую ткань монолитной страны (напомним о 20 млн мусульман, живущих в самой России). Казахстан как потенциальный проамериканский оплот также имеет слабые стороны, начиная, естественно, с того, что половина его населения – этнические русские.

Прошедшие в сентябре 1997 г. военные маневры с участием американских войск в Центральной Азии (Казахстан и Узбекистан) были восприняты в Москве как провокационные, направленные на укрепление американских позиций в чувствительной зоне России. При этом не следует забывать о наличии в Таджикистане 24 тыс. российских солдат, в Туркменистане – 15 тыс., в Узбекистане – 5 тыс., 15 тыс. – в Грузии. В Армении российские войска получили право на базы на срок 25 лет. С американской стороны, как пишет Р. Пайпс, «посягательство Москвы на

суверенитет своих прежних зависимых республик представляет собой угрозу отношениям с США» [*Pipes*, p. 73].

С одной стороны, Вашингтон, как и другие западные столицы, молчаливо признает особые права России. «Если судить по имеющемуся опыту, в случае конфликта между Россией и одной из бывших республик, европейские союзники едва ли пойдут дальше изъявлений сожаления. Что же касается Соединенных Штатов, то они определенно будут реагировать более резко, особенно если жертвой российских угроз станет Украина или одна из республик, выходящих к Каспийскому морю – первая в свете ее геополитической значимости, вторые – благодаря нефтяному потенциалу» [*Pipes*, p. 73].

Американцы признают, что российские возможности в Центральной Азии велики. Наиболее влиятельные американские эксперты сходятся во мнении, что наследие истории, обстоятельства географии и логика силовой борьбы фактически гарантируют преобладание в Центральной Азии России. Эту реальность еще долгое время не сможет поколебать ни одно государство, союз нескольких стран или международная организация. Вашингтон при всех обстоятельствах должен будет исходить из этой реальности – и он едва ли может надеяться, что некие перемены в Кремле изменят эту реальность.

Большинство американских специалистов полагают, что в Средней Азии Соединенные Штаты не могут действительно противостоять влиянию России, особенно если это влияние будет целенаправленным и скоординированным. Да и стоит ли Соединенным Штатам идти до крайних пределов? Как признает ведущий американский специалист по данному региону Р. Менон, «маловероятно, чтобы Соединенные Штаты взяли на себя ответственность за безопасность Центральной Азии. Здесь не затронуты жизненные интересы национальной безопасности США. Американское противодействие русскому вмешательству в дела Средней Азии может быть выражено лишь в словах и символических жестах (откладывание встреч, замедление кредитования), но крайне маловероятно его превращение в военные контрмеры» [*Менон*, 1995, p. 179].

Верно, что в ближайшей и среднесрочной перспективе Соединенным Штатам весьма сложно уравновесить влияние России в Средней Азии. В долгосрочной же перспективе у Соединенных Штатов появляется свой шанс. Взвешенная, долговременная работа может дать американской стороне немалое влияние в будущем. К примеру, США могут откликнуться на просьбу Кыргызстана о реструктурировании военной промышленности, доставшейся еще от Советского Союза. Экономическая помощь США может влиять на изменение ориентации элиты Центральной Азии.

США, полагают американские специалисты, должны «платить» за тенденции к открытости и в то же время экономически наказывать новые государства за повороты к автаркии и национализму. Путем медленных, но последовательных вознаграждений США могут укрепить силы интернационально, прозападно ориентированной части местной элиты. Даже относительно небольшие инвестиции, фонды, гранты приобретают немаловажное значение в свете резко ухудшившейся экономической обстановки в регионе.

Такой курс (а его сторонники, судя по всему, усиливают влияние в Белом доме и госдепартаменте) пока не грозит драматическим столкновением России и США в центрально-азиатском регионе. Сошлись несколько факторов: крупные западные компании еще не готовы к подлинно массивным инвестициям; американцы более чем влияния России боятся роста исламского фундаментализма; вторжение Ки-

тая в данный регион также не соответствует интересам США. В свете вышесказанного следует вывод, что Центральная Азия в обозримом будущем – при всем видимом приходе американских фирм и фондов – не станет полем острого соперничества между Вашингтоном и Москвой. Разумеется, многое будет зависеть от политических и экономических переменных в России, «ближнем зарубежье» и в США.

Что же касается прибалтийских государств, то они в основном завершили свою эволюцию – от обещаний быть мостом западного либерализма до одиозной для рубежа XXI в. формы национального самоослепления, поставившего два миллиона русскоязычного населения в положение, которого они близоруко не ожидали – неграждан. Наряду с Польшей, не определившейся (в известном смысле) Украиной и смотрящей на Румынию Молдовой, Прибалтика становится не транспарентным коридором, а своего рода рвом между Западом и Россией. Растущая задействованность прибалтов в (про)западных структурах увеличивает шансы превращения Прибалтики в поле разногласий между Россией и США.

За пределами стратегического «треугольника» и СНГ

С американской точки зрения главными противниками Америки в сфере бурноменяющейся дуги кризисов являются КНДР, Ливия, Иран, Ирак и Куба. Но именно эти пять стран имели и имеют неплохие отношения с Россией, с которой наблюдается, по меньшей мере, частичное совпадение интересов.

Хотя Россия на уровнях ниже «стратегического треугольника» и орбиты СНГ является ныне силой, значительно меньшей чем прежде, но она все же в состоянии реализовывать курс, периодически противоречащий глобальной монополии единственной сверхдержавы. При всей современной слабости, Россия может поддержать отягощенную экономико-политическими проблемами КНДР, оказать дипломатическую и военную помощь растущей южноазиатской твердыне – Индии, может ослабить изоляцию Ирака и Ливии, оказать важное содействие в становлении ядерной энергетики Ирана. Все эти возможности и конкретные действия России вызывают негативную реакцию Соединенных Штатов, с трудом переносящих заведомое противодействие.

Торговля оружием

Наиболее видимым образом Россия и Америка сталкиваются в области, где российская индустрия еще держится мировых стандартов – в области производства и экспорта вооружений. Еще десять лет назад Россия занимала первое место на мировом рынке оружия, ее доля составляла 46 % от общемировых продаж (против 27 % у США). В течение трех лет после 1992 г. экспорт российского оружия сократился с 13 млрд долл. до 2 млрд долл. К концу 90-х гг. доля США поднялась до 44 %, они продают в год достаточно стабильно на 8–10 млрд долл.; сейчас американские компании, производящие вооружения, имеют контракты на общую сумму 219 млрд долл. примерно с 120 странами. Доля России упала ниже 20 %. Фактически Россия лишилась единственного рынка, поддерживавшего технологический тонус российской экономики, если не на самом высоком (западном) уровне, то все же выше уровня основных развивающихся стран.

В результате Россия, бывшая еще несколько лет назад первым поставщиком оружия в «третий мир», далеко уступила в этой торговле Соединенным Штатам

и Великобритании. Стоимость российского экспорта оружия упала с 29,9 млрд долл. в 1987 г. до 2,7 млрд в 1992 г. [Keller, Nolan, p. 116]. За 1992–1994 гг. США продали развивающимся странам оружия на 19,5 млрд долл., Великобритания – на 10,3 млрд долл., а Россия – на 5,5 млрд.

Несмотря на почти сервильное отступление, Россия даже в эти годы отступления и ухода с рынков вызвала резкое противодействие Вашингтона как поставщик оружия «не тем странам». Иран, занимающий вторую строчку в российском списке импортеров оружия, воспринимается Америкой как подрывной режим, спонсирующий терроризм по всему миру. Индию (третья страна российского военного экспорта) Соединенные Штаты определенно не хотели бы видеть значительно превосходящей курируемый Америкой Пакистан. Остатки влияния российского военного экспорта в армии бывших союзников, а ныне – членов и претендентов на членство в НАТО (Венгрия, Словакия), покупающих относительно дешевое российское оружие и запчасти, рассматриваются Вашингтоном едва ли не как вторжение России в чужую зону влияния, как перехват возмутительно неразборчивых клиентов. Еще более велик гнев Вашингтона в отношении Турции, закупившей за 1992–1994 гг. российского оружия на 120 млн долл. и Греции, принявшей в конце 1998 г. решение закупить у России ракетные комплексы С-300 (табл. 1).

Назовем восемь главных импортеров американского и российского оружия, на рынках которых идет конкурентная борьба российской и американской военной промышленности.

На протяжении 90-х годов на Соединенные Штаты пришлось 43 % всех продаж оружия в мире, а на Западную Европу – 41 %. Доля России очевидным образом упала. В 1996 г. объем продаж российских вооружений составил 3,9 млрд долл., а в 1997 г. – 3,5 млрд.

Но в дальнейшем Россия, видя ограниченный эффект своего идеализма, снова начал увеличивать объем продаж оружия. Американцы Келлер и Нолан признают, что «как с моральной, так и с политической точек зрения невозможно высказывать таким странам как Китай, Франция и Россия претензии в отношении сокращения объема продаж оружия, в то время как американские официальные лица и производящие оружие компании делают все возможное, чтобы доминировать на рынке оружия» [Keller, Nolan, p. 124]. Во второй половине 90-х годов Россия стала возвращаться на мировые рынки вооружений. При этом 60 % экспорта пошло в Китай. Портфель заказов «Росвооружения», на которое приходится 80 % экспорта оружия России, увеличился в 1998 г. на 1,6 млрд долл. и достиг 8 млрд долл. Доля России превысила 10 % всех мировых продаж.

Разумеется, американцев более всего заботит вооружение Китая, но и прочие «нежелательные» клиенты «Росвооружения» вызывают всплеск негативных чувств мирового лидера производства и торговли вооружений. Относительное умиротворение американского руководства и военного бизнеса вызывает лишь то обстоятельство, что плачевное состояние российской экономики не позволяет ей всерьез надеяться на долговременное качественное соперничество. И все же американская дипломатия делает из каждой российской сделки казус нарушения цивилизованных правил игры и тому подобное. Здесь потенциал взаимоожесточения чрезвычайно велик, и Россию еще долго будут склонять по поводу видимых с Потомака нарушений «джентльменского поведения».

Одним из наиболее острых моментов политико-экономического давления США на Россию явился нажим Вашингтона на Москву, связанный с развитием

Таблица 1 Главные получатели американского и российского оружия за 1992–1994 гг., млрд долл.

США		РФ	
Страна	Объем продаж	Страна	Объем продаж
Саудовская Аравия	8,6	Китай	1,7
Египет	3,8	Иран	1,0
Израиль	2,6	Индия	0,925
Турция	2,5	Венгрия	0,825
Тайвань	2,4	Ангола	0,450
Япония	1,9	Куба	0,200
Кувейт	1,8	Словакия	0,150
Южная Корея	1,3	Турция	0,120

Источник: ACDA. World Military Expenditure. 1995. P. 153–157.

событий на Индостане. Индийская организация космических исследований и Главкосмос в декабре 1993 г. подписали соглашение, по которому Россия обязалась предоставить Индии 7 летных и 2 макетных криогенных разгонных блока. Первые из них должны были быть получены Индией в конце 1997 г. и использованы в 1999 г. при запуске индийского тяжелого ракетносителя.

Америка выразила общее неудовольствие поставкой Россией Индии примерно 50 % необходимой ей военной техники. Передача ракетной технологии Индии вызвала жесткое давление Вашингтона на Москву. Последовавший отказ России от предоставления своему индийскому партнеру криогенной технологии был тяжелым решением, он отрицательно отразился на общем состоянии российско-индийских связей, создал прецедент отказа Москвы от определенно взятых на себя обязательств по отношению к традиционному партнеру – Индии. Трудно не сделать вывод, что несоответствие локальных договоренностей (России и Индии в данном случае) мировой стратегии Вашингтона неизбежно будет повторяться во всех случаях, когда Россия будет проявлять самостоятельность на мировой арене.

Американцы утверждают, что в российской поддержке «неугодных» Вашингтону стран (Ливии, Кубы, Ирака, КНДР, Ирана) есть элемент вызова, который отчасти можно представить как своего рода психологическую компенсацию за крах СССР в 1991 г., за потерю статуса сверхдержавы, а отчасти как наиболее надежный способ получения валютных средств.

Атомная энергетика

Когда Минатом заключил долговременное соглашение с Ираном, предусматривающее подготовку иранских ядерных физиков (помимо строительства реактора в Бушере), «Соединенные Штаты с подозрением подошли к культивированию Россией дружественных отношений со страной, которую Вашингтон рассматривает как «мать» всех стран-париев» [Blacker, p. 182].

Продажа Россией атомных реакторов Ирану, строго говоря, не нарушает условий Договора о нераспространении 1968 г., поскольку Иран подписал этот договор и согласился с его условиями, предполагающими инспекцию на местах – на ядерных предприятиях и в лабораториях. Россия продает реакторы во многом потому, что именно Запад отнял у нее рынки атомных электростанций в Восточной

Европе и иранский заказ (выполнение которого, кстати, начала Германия) – это во многом путь спасения российской атомной промышленности. Российское правительство в сентябре 1997 г. предложило американцам совместные меры контроля. Явственно видно желание Москвы не вызывать ожесточения Соединенных Штатов. Но столь же явственно желание России не уходить из сферы атомной энергетики. Подозрение, что Тегеран желает получить реакторы для получения оружейного урана, может быть и имеет под собой основания, но это подозрение не доказано. А противопоставлять подозрения реальному краху целой российской отрасли все же несколько поспешно.

У России осталось дурное ощущение от того, как американская сторона решила за ее счет проблему строительства северокорейских ядерных реакторов для атомных электростанций. Будучи убежденной Вашингтоном в опасности подобного строительства (дающего оружейный уран и плутоний стране, официально стремящейся к пересмотру карты Корейского полуострова) Москва пошла на очень трудный для себя диалог с Пхеньяном, нарушила данное ранее обещание и закрыла программу строительства атомных реакторов. КНДР полстолетия входила в сферу влияния России, и Москва уступила американцам в расчете на взаимопонимание.

Американская сторона своеобразно воспользовалась духом солидарности, проявленным по отношению к ней Россией. Она предложила руководству КНДР построить два реактора общей стоимостью в 4 млрд долл. (разумеется, истребовав обещание не осуществлять северокорейскую программу ядерного вооружения). По существу произошел перехват существеннейшего для атомной промышленности России проекта, что поставило Министерство атомной промышленности на грань выживания. После этого маневра Вашингтона Москва пришла к вполне определенному выводу – не полагаться более на «дух взаимопонимания» в вопросе о реальных сделках, думать о собственных интересах и идти своим путем. Озлобленный Пхеньян, удовлетворенные сделкой американцы, понимающе улыбающиеся китайцы (именно они остались единственными опекунами КНДР) – подобное, с точки зрения Москвы, не должно повториться.

В целом следует сказать, что в Москве все еще действует импульс понимания важности благорасположения могущественной Америки, но изменилась шкала, изменилось представление о том, насколько уступчивой американским интересам должна быть российская дипломатия. Ушли в прошлое времена (1988–1993 гг.), когда надежда на конечное «воссоединение» с Западом толкало Россию на путь максимального учета американских региональных целей. Отсутствие взаимности, определенная жесткость контрапартнера в макро- и микровопросах (от расширения НАТО до перехвата торговых клиентов) лишили Россию многих иллюзий и сделали ее более «самоцентричной» международной силой. Если «большая Европа» от Ванкувера до Владивостока оказалась миражом, то и феноменальная готовность Москвы демонстрировать понимание большого западного партнера потеряла характеристику автоматической готовности.

Заключение

После нескольких лет (1988–1993 гг.) непрерывного «да» Россия стала говорить Америке «нет» на международной арене, продавая российское оружие «не тем странам», строя атомные электростанции таким странам как Иран, нарушая аме-

риканское видение режима нераспространения, занимая самостоятельную позицию в таких кризисах как югославский. Кумулятивный эффект вышеперечисленных процессов подорвал основания того, что прежде в Москве самонадеянно называлось «стратегическим партнерством» и в чем в Вашингтоне усматривали приобщение России к западному лагерю. Иллюзии увяли, реальность оказалась для российских стратегов жестче и грубее ожидаемого. Новый мировой порядок не установился не по вине России, но и российское неустроение добавило нестабильности в общую картину.

До сих пор военное сотрудничество с Соединенными Штатами было весьма накладным для России. Поддержав Америку в Персидском заливе, Россия лишилась многомиллиардных контрактов, заключенных с Ираком. Присоединившись к США в изоляции Ирака и Ливии, Россия потеряла важнейших оптовых покупателей своего оружия. Она теряет миллиарды рублей из-за участия в организованной Западом блокаде Сербии. Склонен ли Вашингтон компенсировать потери России? США получили от союзников финансовую компенсацию за свои действия против Ирака в 1991 г., но Россия всюду подсчитывает лишь убытки.

Нынешняя внешняя политика российского правительства является, собственно, суммой акций в ответ на возникающие проблемы. У правительства нет четко выраженной и поддерживаемой обществом политики в области международной безопасности, конверсии, сокращения вооружений. Если коснуться прежней системы договоров с США, то их смысл попросту утерян. Ныне этот набор старых документов едва ли может быть базой для строительства новых отношений. Вашингтон не может не видеть дилетантизма российских властей в жизненно важной области отношений. Очевидно, что внутри российского руководства нет единства в вопросе о том, до какой степени сокращать вооруженные силы и вооружения. Нет также четкой линии (и, очевидно, внутреннего единства) по следующим проблемам: возможности большой войны, применения ядерного оружия, ценности отдельных регионов и т. п. Складывается впечатление, что подходы российского руководства разрабатываются во многом не без непосредственного влияния США. Наконец, региональные конфликты в СНГ убедительно показали, сколь неожиданными они являются для российского руководства.

Нет сомнения, что в США обеспокоены, прежде всего, отсутствием гражданского контроля над армией в России, над ядерным оружием в обществе, испытывающем такие потрясения. Худшей новостью для Запада был бы захват одной из конфликтующих на территории СНГ группировок ядерного оружия. Для предотвращения такой возможности США оказывают специализированную экономическую помощь (610 млн долл. в 1998 г.), они готовы несколько ослабить требования в отношении некоторых возможностей Москвы регулировать события в постсоветском пространстве. Это шанс. Это возможность ослабить жесткое неприятие новой роли России как гаранта стабильности в постсоветском пространстве со стороны США. Именно в этом плане следует, видимо, оценить молчание Америки в ответ на российское заявление о готовности платить за содержание 25–30 баз в пределах СНГ.

История ныне ставит вопрос, сумеет ли Россия достаточно быстро преодолеть свой системный кризис и выработать убедительную для российского населения и одновременно приемлемую для остального мира (США в первую очередь) систему геополитических координат. Геополитическое влияние России будет определяться не количеством танков и даже ракет, а тем, станет ли Россия экономи-

чески стабильным геополитическим «хартлендом» Евразии или, потерпев экономический крах, превратится в евразийский «медвежий угол».

В США осознают, что долговременное самоопределение Россией своей роли в Евразии будет зависеть от нее самой – то есть, у Соединенных Штатов, при всем их могуществе, все же нет рычагов гарантированного воздействия на Москву в желательном для США направлении. При этом Россия владеет чрезвычайными по объему богатствами. Как оценивает ситуацию Зб. Бжезинский, «хотя (Западная) Европа и Китай укрепили свое региональное влияние, Россия останется ответственной за самое большое в мире пространство, охватывающее десять часовых поясов и делающее небольшими даже Соединенные Штаты, Китай и расширенную Европу» [Brzezinski, p. 56]. И это при том, что ЕС и КНР обошли Россию по экономическим показателям.

В этих условиях американская политическая и политологическая элита приходит к ясному пониманию того, что, в конечном счете, лишь сама Россия может решить проблемы своей внутренней модернизации. Самая большая угроза для России – это выход Запада на позиции целенаправленного использования Украины с целью окончательного сковывания инициативы России внутренним противоборством в СНГ, внутренним расколом, противостоянием с наиболее близким этнически и цивилизационно соседом.

Раздражителем Запада становится то, что признанные ООН суверенные страны Россия называет «ближним зарубежьем», что она предпринимает попытки создать своего рода «доктрину Монро» для пространств СНГ, активно выражает стремление быть посредником во внутренних конфликтах соседних стран. Довольно отчетливо звучат голоса (скажем Зб. Бжезинский, Р. Пайпс), утверждающие, что не следует идти навстречу России ни на дюйм: «Это только усиливает аппетит тех националистов, которые интерпретируют незаслуженные уступки (Америки) как доказательство всеобщей обеспокоенности и желания мира включить Россию в международное сообщество, готовность проявить беспредельную терпимость в отношении российского поведения. Москве не должно быть позволено увеличивать свои силы на южных границах в нарушение договора 1990 г. об обычных вооруженных силах в Европе с целью запугивания прежних (советских) республик, экс-сателлитов» [Pipes, p. 77–78]. Ситуация, когда Россия стремится оставаться великой державой и вести себя как таковая в столь кризисной для себя обстановке, налицо; в дальнейшем едва ли можно рассчитывать на изменение этого подхода; напротив, он будет проявляться во все более очевидных формах. В этом заключается главная угроза России потерять мир с Америкой, заключенный в 1991 г. Официальные опасения выразил заместитель госсекретаря в правительстве Б. Клинтона Струоб Талбот: «Поскольку Россия определяет свои особые цели и дистанцируется от Запада на экономическом фронте, нас, возможно, ждет обострение напряженности из-за дипломатических проблем и проблем безопасности» [Washington Post]. Высокопоставленные американские должностные лица не ожидают возврата к эре конфронтации с Москвой, но они радикально сузили свои цели в подходе к американо-российскому «партнерству». Перед Соединенными Штатами стоит очень трудный выбор: «Продолжать оказывать помощь, которая почти наверняка будет растрочена впустую, или отвернуться, еще более отталкивая от себя народ России и поощряя национализм и международную конфронтацию» [USA Today].

При этом, как справедливо замечает Ш. Гарнет, «Евразия в следующем столетии предстанет перед такой чередой вызовов, что их встреча была бы скорее облегчена американским и в целом западным сотрудничеством с Россией, чем отсутствием подобного сотрудничества. Взаимные подозрения, переменные противоречия и невыполненные обещания сокращают базу сотрудничества. Часть вины падает на Запад, но и Россия должна понять стратегические реальности современного положения и действовать соответственно» [Garnett, p. 76].

Решение первостепенной по важности задачи избежания новой холодной войны, новой конфронтации, зависит от степени понимания в США и России забот, обеспокоенностей и интересов противостоящей стороны. Москва и Вашингтон должны определить модус отношений устраивающий обе стороны и не ведущий к силовым решениям. Для этого необходим реалистичный анализ мотивов контрагента, осознание его целей и, главное, готовность найти компромисс тогда, когда внешние условия не совсем удовлетворяют равным отношением.

Литература

- Aslund A.* Eurasia Letter: Ukraine's Turnaround // Foreign Policy. 1996. Fall.
- Blacker C.* Russia and the West // The New Russian Foreign Policy / Ed. by Mandelbaum M. N.Y., 1998.
- Brzezinski Zb.* A Geostrategy for Eurasia // Foreign Affairs. 1997. Sept.–Oct.
- Directory of Trade Statistics Yearbook. Washington: International Monetary Fund, 1997.
- Garnett Sh.* Russia's Illusory Ambitions // Foreign Affairs. 1997. March–April.
- Keller W., Nolan J.* The Arms Trade: Business as Usual? // Foreign Policy. 1997/1998. Winter.
- Kurth J.* The Adolescent Empire. America and the Imperial Idea // National Interest. 1997. Summer.
- Mandelbaum M.* Preserving the New Peace. The Case Against NATO Expansion // Foreign Affairs. 1995. May–June.
- Mandelbaum M.* Westernizing Russia and China // Foreign Affairs. 1997. May–June.
- Menon R.* In the Shadow of the Bear. Security in Post-Soviet Central Asia // International Security. 1995. Summer.
- Menon R.* The Strategic Convergence Between Russia and China // Survival. 1997. Summer. National Interest. 1997. Summer.
- Pipes R.* Is Russia Still an Enemy? // Foreign Affairs. 1997. Sept.–Oct.
- US Department of State Dispatch. 1993. Nov. 22.
- USA Today. 1998. Sept. 1.
- Washington Post. 1998. Dec. 2.
- Washington Times. 1998. June 15.